

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В ПОИСКАХ МЕТОДОВ И СРЕДСТВ БОРЬБЫ
С ТЕРРОРИЗМОМ (1879–1881)**

*Работа представлена институтом дополнительного профессионального образования
Европейского университета в Санкт-Петербурге.
Научный руководитель – доктор исторических наук А. Н. Цамутали*

В статье рассматривается обсуждение проблемы борьбы с терроризмом при содействии общества, проходившее в 1879–1881 гг. Автор анализирует записки и проекты, направленные представителям высшей администрации, и выделяет два возможных варианта решения проблемы: усиление представителя-

ми общества «органов надзора» или участие общества в решении коренных проблем русского государства через введение в России представительства.

Ключевые слова: терроризм, борьба с терроризмом, общество, конституционные проекты.

Yu. Safronova

RUSSIAN SOCIETY IN SEARCH OF METHODS AND WAYS OF STRUGGLE AGAINST TERRORISM (1879–1881)

The article considers the discussions on the question of struggle against terrorism with the help of society (1879–1881). The author analyses the reports and projects that were sent to the members of higher bureaucracy. She also examines two ways of solving the problem: 1) inclusion of citizens in political police; 2) society participation in dealing with the top problems of Imperial Russia and constitution accepting.

Key words: terrorism, struggle against terrorism, society, constitutional projects.

14 февраля 1880 г. только что назначенный Главным начальником Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия граф М. Т. Лорис-Меликов выступил с обращением «К жителям столицы», в котором призвал общество поддержать правительство в борьбе с терроризмом. Ответ не заставил себя ждать: на имя М. Т. Лорис-Меликова, а также в Верховную распорядительную комиссию десятками стали приходить письма и записки, авторы которых рассуждали о причинах появления «крамолы», а также возможных способах борьбы с ней.

Авторы записок указывали, что их труды – это ответ на просьбу правительства, а некоторые даже цитировали текст обращения. Они характеризовали свои труды как посильный вклад в борьбу с терроризмом, «содействие не только делом, но и словом, если слово сможет быть полезно для дела» [5, л. 1]. Идентифицируя себя в качестве членов общества, к которому правительство обращается, авторы записок в большинстве случаев писали, что высказывают отнюдь не индивидуальное мнение. При этом право советовать подтверждалось не только принадлежностью к тем, кого правительство просило о помощи, но и знанием русской жизни изнутри, которым власть а priori не обладает. Так, генерал Е. В. Богданович писал, что его размышления составляют плод «долголетне-

го и близкого знакомства с Россией» [3, л. 1], а гласный санкт-петербургской городской думы Н. Латкин – плод членства в думе и земстве, а также занятий статистикой и торговлей [11, л. 382].

М. Т. Лорис-Меликов был отнюдь не единственным адресатом такого рода посланий. Отправлялись они императору и наследнику, а также другим влиятельным политическим фигурам. Если первый всплеск активности общества пришелся на февраль – март 1880 г., то второй – на март – апрель 1881 г. Письма получали М. Т. Лорис-Меликов (до того, как стало очевидно, что его положение шатко), обер-прокурор синода К. П. Победоносцев, петербургский градоначальник Н. М. Баранов, министр юстиции Д. Н. Набоков и, разумеется, новый император Александр III.

Все предложенные способы решения проблемы терроризма можно разделить на два вида, исходя из того, как именно предлагалось действовать: «искоренять крамолу» или устранить причины появления терроризма. Во втором случае в проектах рассматривались острые проблемы российского государства, постоянно обсуждавшиеся обществом. Зачастую вопрос борьбы с терроризмом становился лишь поводом для того, чтобы еще раз обратить на них внимание правительства.

Рассмотрим в начале предложения, предполагавшие соучастие общества в охране го-

сударственного порядка. В основе всех подобных проектов лежала идея превращения всех «благонадежных» членов общества в «разумных и даровых агентов» надзора. Идеи подобного рода основывались на убеждении, что обыватели, и прежде всего домовладельцы, более прочих осведомлены о жильцах того или иного дома. Ряд авторов предлагал ввести репрессивные меры для тех домовладельцев, чьи квартиранты окажутся «нигилистами». Наказания предлагались разные: денежные штрафы, конфискация недвижимости, арест [19, л. 358, 359; 15, с. 213, 223; 2, с. 32]. Также правительству советовали ужесточить закон о недоносителях, а за нарушение правил прописки жильцов судить военно-полевым судом [13, с. 7; 1, л. 379]. Генерал-майор М. И. Батянов советовал ввести для большей эффективности принцип круговой поруки с тем, чтобы домовладельцы «контролировали бдительность друг друга» [1, л. 1 об.]. Среди людей, одобрявших подобные меры, были и петербургские купцы, и профессор Харьковского университета И. В. Платонов, и даже высшие сановники, такие как П. А. Валуев и А. В. Адлерберг.

Ряд проектов предусматривал не только введение ответственности для домовладельцев, но и предоставление им некоторых прав для контроля за нанимателями квартир. Статс-секретарь Государственного совета Н. М. Ремблинский предлагал предоставить домовладельцам право не чаще раза в неделю проводить произвольные обыски у жильцов. Он же советовал разделить столицу на участки и в каждом из них создать особую структуру – «комитет охранения порядка» – из домовладельцев, чинов полиции и «благонадежных» квартирантов. По мысли Н. М. Ремблинского, членам комитетов следовало предоставить право носить оружие, требовать у полиции ареста заподозренных ими лиц, производить самостоятельные обыски [18, л. 3–4 об.]. Санкт-петербургский купец И. Ф. Карпович выдвинул проект учреждения в каждом доме домового управления, в который должны были войти хозяин дома и выборный от каждых 20 квартир. Членам управления предоставлялось право делать внезапные осмотры

квартир, производить переключку обывателей (случайно отсутствующие при переключке лица были обязаны являться к околоточному начальнику на следующее утро до 10 часов), выдавать въезжающему в дом на жительство домовый билет, в котором прописываются приметы проживающего [19, л. 358, 359].

Подобные проекты, если вдруг они становились известны широкой публике, подвергались серьезной критике, так как в основе их лежало нарушение прав личности. М. И. Семевский, разбирая в дневнике их содержание, справедливо заметил, что они свидетельствуют о «низком» уровне понимания прав личности «во многих представителях русского общества» [19, л. 360 об.]. Сами авторы таких проектов отнюдь не считали, что подобные меры каким-то образом нарушат права граждан. Н. М. Ремблинский писал, что правительству следует лишь «объявить во всеуслышание, что обыски эти ни для кого не должны быть оскорбительными в настоящее время». Он же считал, что население столицы увидит в предоставлении особых прав домовладельцам «доверие к местному населению со стороны правительства» [18, л. 3 об, 5 об.].

Среди других мер, также предполагавших участие общества в «охране государственного порядка», называлось, например, создание «капитала народной обороны» в помощь петербургскому градоначальнику [8]. Староконстантиновский уездный исправник предлагал «господам гвардейским офицерам» акт самопожертвования – временно усилить собою полицию. Эта мера должна была не только способствовать подавлению «крамолы», но и «возвысить» значение полиции в глазах общества, обеспечив первой «соединение сил» со вторым [16, л. 92]. Членам общества также предлагалось взять на себя ответственность по охране безопасности императора: «дежурить по очереди, на тех улицах, по которым ездит в Петербург государь» предлагал И. Ф. Карпович [19, л. 357]. Как известно, у петербургского купца были очень высокопоставленные единомышленники. Идея охраны безопасности императора силами представителей общества лежала в

основе учрежденной по идее С. Ю. Витте «Священной дружины».

От проектов, предполагавших участие общества в «охране государственного порядка», перейдем к принципиально отличавшимся от них предложениям, суть которых заключалась в решении при помощи общества тех проблем, в которых авторы проектов видели первопричину появления и усиления терроризма в империи. Зачастую проблема терроризма в таких проектах была лишь внешним поводом для разговора о коренных изменениях государственного строя. Выдвижение подобных мер в качестве панацеи от революционной «заразы» основывалось на убеждении, что русское общество потакает террористам от «недостатка деятельности». В марте 1881 г. во время заседания новгородского уездного земского собрания выступил с речью гласный Н. Н. Нечаев. Указав на тщетные попытки бороться с «крамолой» одними полицейскими мерами, он закончил свое выступление утверждением: «остаётся призвать общество к деятельному участию в борьбе со злом, и успешный исход ее тогда не может подлежать сомнению» [12, с. 44].

Существовали разные мнения о том, в какой именно форме может происходить «участие» общества. Наиболее умеренные проекты предполагали расширение прав уже существующих институтов. В 1879 г. Е. В. Богданович советовал разрешить представителям дворянства собирать совещания под председательством генерал-губернаторов, с тем чтобы последние могли обращаться к соответствующим властям с законодательными инициативами. К. Д. Кавелин в письме М. Т. Лорис-Меликову утверждал, что, восстановив гласность земских собраний и введя в государственное управление «представителей местных и общественных интересов», правительство обеспечит себе помощь общества, к которому оно до тех пор тщетно взывало [14, с. 35]. После царубийства обер-прокурор первого департамента сената Г. А. Евреинов предлагал провести реформу сената, включив в его состав представителей земств [7, с. 24–28]. Впрочем, подобные полумеры были не столь популярны, как иные, более радикальные предложения.

Конституционные проекты рубежа 1870–1880-х гг. неоднократно становились предметом пристального внимания историков. Принято разделять «правительственный конституционализм» как элемент политики правительства и общественное движение за конституцию. Следует отметить, что проекты, вырабатывавшиеся в правительственной среде, и те, которые обсуждались русским обществом, часто не имели серьезных отличий. Как пишут В. Г. Чернуха, Б. В. Ананьич и Р. Ш. Ганелин, «во многих случаях грань между давлением общественности, т. е. одним лагерем, и инициативой высшей бюрократии, т. е. другим, ей противостоящим, оказывается довольно зыбкой» [20, с. 248]. Не останавливаясь специально на их содержании, я попробую осветить отношение общества к конституционному вопросу в связи с решением проблемы терроризма.

Нельзя сказать, что покушения на императора стали катализатором нового витка обсуждения вопроса о конституции. Скорее таким катализатором стала русско-турецкая война, на протяжении и после которой общество находилось в состоянии ожидания/опасения конституционной реформы. В течение второй половины 70-х – начала 80-х гг. XIX в. разговоры о конституции то затихали, то возобновлялись с новой силой. Деятельность «Народной воли» способствовала возбуждению этого вопроса на новом уровне. С одной стороны, в своих обращениях народовольцы указывали, что прекратят террор, если в стране установится представительная власть. С другой стороны, именно в ответ на покушения состоялось назначение М. Т. Лорис-Меликова, на фигуре которого сосредоточились ожидания либеральной части русского общества.

Проблема терроризма, таким образом, давала сторонникам конституционной реформы новые аргументы в ее пользу. Представительству должно было послужить сразу нескольким целям. Во-первых, общество получало возможность «принять участие в борьбе с врагами русского народа» [12, с. 41] и решить задачу отмщения «за позор и посрамление 1 марта» [9, с. 142]. Во-вторых,

конституционная реформа должна была способствовать «оздоровлению» общества: представительные учреждения «создадут почву и поприще для общественной деятельности» [4, с. 163].

Соответственно, противникам конституционных реформ необходимы были контраргументы. Главный из них состоял в том, что конституция не предохранила от покушений правителей Германии, Италии и Испании, следовательно, она не станет панацеей и в России [9, с. 5]. Кроме того, консерваторы стояли на том, что конституционные формы не соответствуют «духу» русского народа, его историческому пути [15, с. 12]. Они указывали и на то, что сами террористы также требуют конституции, конечно, не без корысти для себя. Как писал «обвинявшийся по политическим преступлениям» Дьяков, добившись конституции, революционеры «заберут в свои руки народную школу» и примутся воспитывать молодежь в духе «революционного культа». Таким образом, конституция станет для них способом добиться своей конечной цели – «полного низвержения династии и государства» [6, л. 62 об].

В свою очередь в консервативных кругах активно обсуждались очень разные проекты, которые объединяла идея «Земского собора» как альтернативы «европейским нововведениям». В различных записках эта идея высказывалась то как абстрактный совет «обратиться к чернозему» [16, л. 5об], то в виде проектов созыва «Земского собора». При этом аргументы за «Земский собор» практически не отличались от аргументов конституционалистов.

Покушения террористов на главу государства и цареубийство 1 марта 1881 г. не только активизировали обсуждение введения представительства (в любой возможной форме), но и проблематизировали его. Требование «Народной воли» созвать народных представителей как условие прекращения террора поставило очень серьезную проблему: следует ли идти на уступки террористам. Мнения резко разделились. С одной стороны, как заклинание звучало: «преобразований и улучшений делать невозможно, ибо всякое

подобное действие правительства сочтено будет не только социалистами, но и всем народом за вынужденное» [14, с. 220]. С другой стороны, сторонники либеральных реформ убеждали: реформы не «уступки» и «не ослабления» «злодеям»: «мы не виновны в том, что злодеи прикрывают свои деяния чистым плащом прогрессивного, исторического развития страны» [10, с. 141, 142].

Анализ записок о борьбе с терроризмом позволяет говорить о господствовавшем в 1879–1881 гг. убеждении, что правительство не в силах самостоятельно справиться с террористической угрозой. Наличие ряда проектов, предполагавших усиление органов надзора «благонадежными» гражданами, показывает степень недоверия к деятельности полиции и готовность ряда представителей общества взять на себя ее функции с тем, чтобы защитить не только императора, но и существующий порядок вещей. С другой стороны, большинство авторов проектов советовало власти воздействовать не на внешние проявления «крамолы», а на ее причины. Основой всех «настроений» в империи либералы называли отсутствие у общества возможности каким-либо образом участвовать в решении политических вопросов. В ответ на обращение правительства за помощью они требовали обеспечить обществу в какой-либо форме представительство во власти. Уничтожение террористической угрозы, с их точки зрения, было возможным только при решении коренных проблем русского государства, что представлялось невозможным при существовавшем порядке вещей. Противники конституционной реформы, оперируя теми же аргументами, предлагали в качестве альтернативы «Земский собор». Таким образом, решение проблемы терроризма представители русского общества ставили в зависимость от того, пойдет ли правительство на уступки, предоставив обществу возможность участвовать в принятии политических решений. При этом достижение последней цели в большинстве случаев было более важным, чем прекращение покушений. Подчас терроризм был лишь поводом для рассуждений о необходимости преобразований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батьянов М. И.* О задачах Верховной распорядительной комиссии. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2 об.
2. *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1924. 504 с.
3. *Богданович Е. В.* О мерах борьбы с революционным движением и мероприятиях для предупреждения последнего. ГАРФ. Ф. 109. СА. Оп. 1. Д. 1013. Л. 1–64.
4. *Воллан де Г. А.* Свободное слово о современном положении России. Berlin.: V. Behr, 1881. 174 с.
5. Записка гражданского нотариуса Кнорозовского Моисея Лазаревича о необходимости упразднения высших женских курсов в целях борьбы с революционным движением ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–2 об.
6. Записка о причинах, поддерживающих развитие партии социал-террористов в России, составленная обвинявшимся по политическим преступлениям Дьяковым. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 20. Л. 55–83 об.
7. *Евреинов Г. А.* Реформа высших государственных учреждений России и народное представительство. СПб.: тип. тов-ва «Общественная польза», 1905. 59 с.
8. Капитал народной обороны (Письмо в редакцию) // Петербургский листок. 1881. 10 марта.
9. *Киреев А.* Избавимся ли мы от нигилизма? Записка, поданная в 1879 году. СПб.: тип. В. С. Балашева, 1882. 35 с.
10. Конституционные проекты начала 1880-х гг. XIX века // Красный архив. 1928. Т. 6. С. 130–143.
11. *Латкин Н.* Записка об искоренении социализма и социалистов в России. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 382–387 об.
12. Мнения земских собраний о современном положении России. Berlin.: V. Behr, 1883. 108 с.
13. Отнять у крамолы материальную и нравственную силу // Источник. 1995. № 2. С. 4–15.
14. *Письмо К. Д. Кавелина к графу М. Т. Лорис-Меликову* // Русская мысль. 1906. № 5. С. 27–37.
15. *Победоносцев К. П.* и его корреспонденты: Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2003. Т. 1. 448 с.
16. *Понамарев И.* Записка М. Т. Лорис-Меликову. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 642. Л. 90–92 об.
17. П. С. О мерах борьбы с революционным движением. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–5 об.
18. *Ремблинский Н. М.* О способах к успешному разысканию злоумышленников. ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–9.
19. *Семевский М. И.* Материалы к запискам. 1876–1886. РО ИРЛИ. Ф. 274 Оп. 1. Д. 16.
20. *Чернуха В. Г., Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* П. А. Зайончковский и изучение правительственного конституционализма // П. А. Зайончковский (1904–1983): Статьи, публикации и воспоминания. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. С. 246–250.

REFERENCES

1. *Bat'yanov M. I.* O zadachakh Verkhovnoy rasporyaditel'noy komissii. GARF. F. 569. Op. 1. D. 84. L. 1–2 ob.
2. *Bogdanovich A. V.* Tri poslednikh samoderzhitsa. M.; L.: Izd-vo L. D. Frenkel', 1924. 504 s.
3. *Bogdanovich E. V.* O merakh bor'by s revolyutsionnym dvizheniyem i meropriyatiyakh dlya preduprezhdeniya poslednego. GARF. F. 109. SA. Op. 1. D. 1013. L. 1–64.
4. *Vollan de G. A.* Svobodnoye slovo o sovremennom polozhenii Rossii. Berlin.: V. Behr, 1881. 174 s.
5. Zapiska grazhdanskogo notariusa Knorozovskogo Moiseya Lazarevicha o neobkhodimosti uprazhneniya vysshikh zhenskikh kursov v tselyakh bor'by s revolyutsionnym dvizheniyem GARF. F. 569. Op. 1. D. 51. L. 1–2 ob.
6. Zapiska o prichinakh, podderzhivayushchikh razvitiye partii sotsial-terroristov v Rossii, sostavlenaya obvinyavshimsya po politicheskim prestupleniyam D'yakovym. RGIA. F. 1328. Op. 2. D. 20. L. 55–83 ob.
7. *Yevreinov G. A.* Reforma vysshikh gosudarstvennykh uchrezhdeniy Rossii i narodnoye predstavitel'stvo. SPb.: tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1905. 59 s.

ИСТОРИЯ

8. Kapital narodnoy oborony (Pis'mo v redaktsiyu) // Peterburgskiy listok. 1881. 10 marta.
9. *Kireyev A.* Izbavimsya li my ot nigilizma? Zapiska, podannaya v 1879 godu. SPb.: tip. V. S. Balasheva, 1882. 35 s.
10. Konstitutsionnye proekty nachala 1880-kh gg. XIX veka // Krasny arkhiv. 1928. T. 6. S. 130–143.
11. *Latkin N.* Zapiska ob iskorenении sotsializma i sotsialistov v Rossii. RGIA. F. 1282. Op. 1. D. 642. L. 382–387 ob.
12. Mneniya zemskikh sobraniy o sovremennom polozhenii Rossii. Berlin.: B. Behr, 1883. 108 s.
13. Otnyat' u kramoly material'nuyu i нравstvennuyu silu» // Istochnik. 1995. N 2. S. 4–15.
14. Pis'mo K. D. Kavelina k grafu M.T. Loris-Melikovu // Russkaya mysl'. 1906. N 5. S. 27–37.
15. Pobedonostsev K. P. i yego korrespondenty: Vospominaniya. Memuary. Minsk: Kharvest, 2003. T. 1. 448 s.
16. *Ponamarev I.* Zapiska M. T. Loris-Melikovu. RGIA. F. 1282. Op. 1. D. 642. L. 90–92 ob.
17. P. S. O merakh bor'by s revolyutsionnym dvizheniyem. GARF. F. 569. Op. 1. D. 49. L. 1–5 ob.
18. *Remblinsky N. M.* O sposobakh k uspeshnomu razyskaniyu zloumyshlennikov. GARF. F. 569. Op 1. D. 32. L. 1–9.
19. *Semevsky M. I.* Materialy k zapiskam. 1876–1886. RO IRLI. F. 274 Op. 1. D. 16.
20. *Chernukha V. G., Anan'ich B. V., Ganelin R. Sh. P. A.* Zayonchkovsky i izucheniye pravitel'stvennogo konstitutsionalizma // P. A. Zayonchkovsky (1904–1983): Stat'i, publikatsii i vospominaniya. M.: «Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 1998. S. 246–250.